

В ожидании родителей она сидит в гостиной миссис Рути, ест арахисовое печенье миссис Рути и глядит в окно миссис Рути.

Отсюда Би видно весь ее дом — погруженный во тьму, с запертой входной дверью. Деревянные качели во дворе раскачивает летний бриз. Подъездная дорожка пуста. От тоскливого вида сводит живот, однако не настолько, чтобы Би перестала лакомиться вкусным и мягким печеньем. Ей хочется быть там, где, по словам папы, сказанным миссис Рути перед уходом, происходит самое интересное. Би не отпустила его без боя. Она кричала и цеплялась за папины ноги, точно дикий зверек. Ошеломленная миссис Рути испытала огромное облегчение, когда истерика сменилась печальными всхлипами. Тогда-то Би и задобрили печеньем, а папа опустился перед ней на колени и поцеловал.

— Я бы взял тебя, Жужжа, с собой, если бы мог.

Жужжа — одно из папиных прозвищ Би¹. Пчелка, Трудяжка, Жужжа. Она ждала обещания: «Мы с мамой заберем тебя вечером». Не дождалась. Сейчас папа в больнице. Там появляется на свет сестренка Би. Раньше ожидаемого срока, до которого остался еще целый календарный месяц.

¹ Игра слов. Героиню зовут Би (англ. Bee) — «пчела». — Здесь и далее примечания переводчика.

Би шесть лет, и она уже достаточно взрослая, чтобы понимать, что значит быть старшей сестрой. Она часто видела таких по телевизору, да и у ее лучшей подружки Эллен есть сестричка. Если ты старшая, значит, родилась первой. И ладно, если бы на этом все и заканчивалось. Но есть то, что довольно тяжело принять. Понаблюдав за Эллен и девочками с младшими сестрами, Би запоздало, но ясно поняла: она не хочет быть старшей. Сейчас родители больше всего любят ее, и она хочет, чтобы так было всегда.

* * *

Би проводит неуютную ночь в гостевой миссис Рути. Соседка уложила ее вечером не так, как родители, и на следующее утро, когда папа, уставший и напряженный, приходит за Би, она лупит его кулачками: она делала так трехлетней в ответ на слова, которые не желала слышать.

Папа ловит ее запястья и мягко сжимает:

— Нельзя бить людей, Би, ты же знаешь.

Из ее глаз брызжут слезы. Папа берет Би на руки и спрашивает, что случилось.

«Ты оставил меня с миссис Рути и забыл моего медвежонка, и я не хочу сестру», — хочется ответить ей, но она молчит.

Папа благодарит миссис Рути за помощь и несет Би домой. Он опускает ее на пол в прихожей, и она стремглав бежит в детскую, но сестренки нет, и Би успокаивается. Она зовет маму, но мамы тоже нет в доме.

— Они в больнице, — говорит папа.

Там, где происходит самое интересное.

Они едут к маме. Ее вид удивляет Би: она выглядит так, будто ребенок все еще в животе. Мама обнимает свою Пчелку и ждет от нее ласковых слов. Би молчит.

— Пойдем посмотрим на твою сестренку, — наконец произносит мама.

— Я не хочу сестру! — кричит Би. Садится на пол, скрещивает руки и недовольно выпячивает губу.

Родители обмениваются беспомощными взглядами. Папа подхватывает Би на руки, но она хочет, чтобы ее несла мама. Но она не может: у нее внизу все болит и наложены швы.

Еще одна причина ненавидеть новорожденную.

Сестру держат в особенном месте. Во всяком случае, так объясняют родители. «Это потому, что она не могла дожждаться встречи с тобой и родилась раньше срока», — говорят они. При слове «особенный» Би представляется красивая комната в нежных тонах с блестящими украшениями. Но после мытья рук родители приводят Би в страшное и холодное помещение. Малышка лежит внутри прозрачной коробки, обмотанная трубками, которые крепятся на ее крохотном носике.

Это настолько ужасно, что Би начинает плакать.

— С грудничком будет непросто, — говорит мама Би, когда они вернулись в семейную комнату. Но и здесь невозможно отделаться от ощущения, что ты в больнице.

Би сидит с мамой на потертом диване, прижавшись к ней и положив голову на налитую грудь.

— И тебе с сестрой тоже будет непросто.

Би не хочет этого слышать. Она хочет слышать, что будет легко и ничего не изменится.

— Но я надеюсь, — продолжает мама, — что в твоём сердце останется место для любви к нам с папой.

В глазах Би отражается вопрос, и мама объясняет, что связь между сестрами не такая, как между детьми и родителями. У Би с сестрой будут совсем другие отношения. И личное, разделенное на двоих пространство, полное секретов, которые они никогда не расскажут, разве что на языке, известном только им двоим.

— Ты и сестра — это обещание на двоих, которое только вы вдвоем можете выполнить или только один из вас может нарушить.

Они возвращаются в страшное и холодное помещение, и Би внимательно разглядывает сестру. Невероятно маленькую и хрупкую. Должно быть, та чувствует рядом близких: ее ножки и ручки слегка дергаются в их направлении. На плечах Би лежат ладони родителей. Папа спрашивает, хочет ли Би назвать девочку. Би долго задумывается — хочет ли? И тут имя, произнесенное внутренним, но не принадлежащим ей голосом, молнией проносится в голове. Наверное, пришло из того места, о котором говорила мама, полного пока еще не раскрытых секретов. Оно звучит на новом языке, известном только им с сестрой, — обещанием на двоих.

2011

Би стоит над телом младшей сестры. Оно утыкано трубками, приклеенными к коже хлипкой медицинской лентой и подключенными к машинам, ритмичные и несмолкающие звуки которых — единственное доказательство жизни сестры. Аппарат искусственной вентиляции легких помогает ей дышать.

Дышит за нее, — поправляет себя Би.

Поскольку сама Ло не дышит.

Части тела, видные под всей этой медицинской паутиной, выглядят как помятый фрукт. Из тех, что выкидывают, даже не разрезая. Протянутая рука Би висит над ладонью Ло. Би боится дотронуться до нее, боится своим прикосновением задеть и потревожить тонкую нить жизни сестры.

Я запрещаю тебе умирать!

Би была в кино с Грейсоном Келлером, когда это произошло. Смотрела «Нечто» — фильм про обреченную команду полярников на научно-исследовательской станции в Антарктиде. Те не придумали ничего лучше, как по одному заливать кровью экран, пока рука Грейсона шарилась по груди Би, а потом, несмотря на ее возражения, залезла в трусы. Она не знала, на какой сцене фильма во внедорожник родителей влетела фура, столкновением убив обоих на месте, и не знала, бежали ли по экрану титры, когда Ло доставали гидравлическими ножницами из искореженной груди металла. Би выключила

чила телефон по вежливой просьбе работника кинотеатра и забыла его включить. Потом Грейсон потащил Би на вечеринку, где она постаралась, чтобы он увидел ее зажатой у стены другим парнем — тем, который не распускал руки и не пересекал границу дозволенного.

По дороге домой, ближе к полуночи, Би показалось странным, что родители ей не пишут. Да, она уже вышла из того возраста, когда надо возвращаться домой к установленному родителями часу, и они ничего с этим не могли поделать, но Би теперь больше прежнего обожала находиться там, где происходит самое интересное, и мама с папой обычно волновались за нее.

Подъездная дорожка у дома пустовала. Входная дверь была заперта, свет выключен.

* * *

Она сама похоронила родителей, поскольку дело не требовало отлагательств. И надеялась, что все сделала правильно. Помогавшая ей во всем миссис Рути теперь целыми днями пыталась отыскать Пэтти — двоюродную бабушку Би и Ло, единственную родственницу сестер со стороны их теперь уже погибшей матери. Они никогда не виделись, но Пэтти должна была узнать о случившемся.

* * *

У сестры все настолько плохо, что убьет ее не авария, а попавшая в организм инфекция. Врачи борются с ней разными антибиотиками, и Ло так накачана всевозможной жидкостью, что у нее отекли руки, ноги и лицо.

Медсестра советует Би остаться на ночь в больнице с сестрой. Если она сможет вынести это. Би не может.

— Останься все равно, — говорит медсестра.

Ло была странноватым ребенком; ее поведение было чуждо Би, а детство лишено волшебства неожиданных открытий. Би бежала в мир без оглядки, а Ло и шагу не могла ступить, не имея за спиной точки возврата. Шестилетней она просыпалась по ночам и плакала из-за промокших, описанных простыней. Она шла с этим не к родителям, а к Би и выглядела такой жалкой, что Би не могла на нее злиться.

«Мне приснился кошмар», — выпаливала Ло на одном дыхании, в следующую же секунду умоляя сестру не рассказывать никому о случившемся. У Би не хватало духу сказать, что родители знают: кто, как не они, занимаются стиркой? Сестры меняли вместе белье, Ло подмывалась, и Би укладывала ее в постель. Она безуспешно пыталась докопаться до того, что так сильно пугает сестру. Как-то, лежа в чистой постели, Ло посмотрела на Би расширенными от страха глазами и спросила, боится ли она непознанного — того, что может случиться с ней. Би ответила: «Нет». Она верит лишь в то, что видит и знает.

Ло хочет быть писательницей. Би терзает мысль, что у сестры, возможно, никогда не будет шанса поделиться с другими своими историями.

* * *

Би медленно, нетвердыми шагами идет в безлюдную больничную часовню. Придавленная горем, падает перед алтарем и крестом и рыдает.